

Моё спасение.

(повесть для средней школы).

От автора.

Дорогой читатель, эта повесть состоит из нескольких глав и повествует о жизни типичного подростка. Я не хочу, чтобы ты считал мой труд автобиографичным, но поверь, на его основе лежат реальные события школьников. Приятного чтения, дорогой друг...

Непонятное чувство.

Человеческое сознание находится между двумя
безднами: между сверхсознанием и подсознанием.

Отсюда нравственная раздвоенность человека.

Николай Бердяев

В воскресенье целый день шёл дождь, то тихо морося, то сильно стуча по крышам. Вечером примерно в 11 часов к нам постучались. Я только что помыла волосы и не успела ещё их высушить, поэтому моя голова была обмотана полотенцем. Когда вид у меня непристойный я не выхожу к людям. Открыть или нет? К тому же родители уже спали, на дворе темнота, шёл дождь, но кто-то стучался. Странно? Не знаю, то ли от любопытства, то ли от того, что не хотела будить родителей, то ли от громких назойливых стуков в железные двери, я открыла. Открыла и застыла: передо мной стояла Люся – моя одноклассница, тяжело дыша от быстрого бега, вся мокрая от дождя. По внешнему виду было нетрудно догадаться, что она бежала из дому: серый дождевик был надет сверху пижамы, одна штанина домашних портов была засучена до щиколотки, а другая вдета в носок. Волосы растрёпаны, лицо бледное, глаза красные (мне показалось, что от слёз). Видимо она очень спешила ко мне, что не позаботилась о дресс-коде, макияже и причёске, забыла зонт и поэтому такая мокрая. Но зачем ко мне так торопиться? Почему она плакала? Или глаза покраснели и вовсе не от слёз? Я хотела её впустить в квартиру, и как только открыла рот для приглашения, как она сама заговорила тихим голосом: «Прости меня», - и протянула мне руку.

Если бы люди не говорили так много, то может жизнь не была бы такой сложной... Два слова сразу изменили всё положение. Я сразу изменила своё желание приглашать её в дом: ведь сейчас я – королева, а она – рабыня, на коленях просящая прощения. Если бы она не говорила этих двух слов, я бы и не вспомнила о нашей ссоре (если честно, то не «вспомнила» о ссоре, а догадалась, что была, наверное, ссора).

В народе говорят: «Повинную голову и меч не сечет». Но это не про меня. Я ощутила какое-то непонятное чувство: то ли гордость, высокомерие, то ли силу богатырскую, но чувствовала, что я в превосходстве. Я испытала это впервые. Во мне не было ни капли жалости, сострадания, даже обиды. Могу похвастаться, что я настоящая актриса, так что я великолепно сыграла роль обиженной подруги. «Мир?» - спросила Люся, всё ещё протягивая руку. Я протянула ей руку в ответ, делая ей «помирование-помилование». Люся радостно улыбнулась и быстро побежала по ступенькам на выход (я жила на 3 этаже).

Вернувшись в свою комнату, я долго вспоминала нашу ссору или обиду, но так ничего и не вспомнила. «Может я и не обратила особого внимания, но не станет же она сама просто так просить прощения», - так я отчиталась себе. В эту ночь я плохо спала.

Плохая новость.

Утро любого школьника можно описать банальными глаголами: разбудили – позавтракал – оделся – поехал – приехал – зашёл (даже иногда опоздал). Так и у меня. Вот я сижу за своей родной второй партой в среднем ряду и дожидаясь прихода классной руководительницы, которая преподаёт у нас английский язык.

Прозвенел звонок. Наша стройняша (так мы называли нашу классную даму) вошла в класс в аккуратном чёрном платье с белым воротником, которое ещё больше красит её спортивную фигуру. Ученики дружно встали для приветствия. Кундуз Ибрагимовна поздоровалась и сказала негромким голосом:

– Дети, я должна сказать вам одну новость. Я думала, что не стоит вам сообщать, но директор настоял на том, что вы должны знать. Вы уже довольно взрослые, - здесь её голос задрожал, - почти все достигли совершеннолетия...

Говорила она долго, всё пыталась что-то объяснить или обезопасить что ли, но все мои одноклассники и я поняли, что новость плохая. Догадались сразу: обычно Кундуз Ибрагимовна говорит по-английски, даже на кураторском часе, чтобы улучшить наш языковой фундамент, но сейчас говорила по-русски, значит, она хочет, чтобы все поняли её, и ни одно её слово не должно быть упущено. А ещё она мямлила и никак не хотела переходить в суть дела. Ведь обычно Кундуз Ибрагимовна избегает словомарания.

– ... очень трудно говорить о таком, сообщать особенно вам, детям... Ваша одноклассница Кулич Люсида умерла вчера.

Кажется, учительница что-то говорила или зарыдала, я не помню, или просто не обратила внимания, но в голове у меня забушевало. Восьмиклассникам трудно понимать или представлять столь страшные вещи. Смерть... Никогда я ещё не слышала такого объявления ни от кого. Я настолько прониклась смыслом слова «смерть», что сперва и не поняла, кто умер. Люсида... вспомнила. А кто это Люсида? У меня наступило какое-то помутнение.

Может долго бы думала, если бы учительница не обратилась ко мне со словами: «Тебе нелегко, понимаю. Она ведь была твоей лучшей подругой, соседкой по парте».

Да, Люся, вспомнила, наконец!

История знакомства.

Кулич Люсида приехала в наш город совсем недавно, и только с ноября текущего учебного года стала учиться с нами. По натуре скромная, молчаливая, даже немного боязливая. Кундуз Ибрагимовна, посмотрев на отметки в табели, решила посадить её со мной, потому что училась она неважно. Я, как один из передовых учеников, должна была помогать ей с занятиями. Посадив меня с ней, Кундуз Ибрагимовна преследовала и другие цели: я была общительная, шустрая, порой шумная девушка, собирающая вокруг себя кучки подруг и друзей, а она – тихая, необщительная, мрачная девчушка – получается, я должна её познакомить со всеми, подружить с классом и сделать из неё «своего» человека. Я была не

против. Потому что в Люсе были те качества, которые я ценила. Во-первых, аккуратность во всём: одежда небогатая, но чистая, надушенная нежным одеколоном, тетради и книги в обложках. Что касается лица, то макияж естественный, неброский; густые огненного цвета волосы всегда заплетались в славянскую косу. Во-вторых, послушание. Как утверждала моя любимая писательница Жорж Санд: «Послушание – главное, что должен иметь ученик, когда приходит к учителю». Что бы я ни говорила, эта хрупкая девочка выполняла без промедления. В-третьих, то, что она была отстающей в учёбе (не хотела, чтобы меня осуждали; но я всегда была лидером в классе и никогда никому не уступала своё место – такой уж у меня характер). Это качество и давало возможность быть ей моей протеже.

Люся меня любила. Она сама так говорила. Когда мы гуляли по городу (а такие экскурсии я проводила много с целью познакомить сельскую девчущку со столицей), она крепко держала меня за руку, как маленький ребёнок, который боится отстать от мамы и заблудиться. Она смотрела на меня восхищёнными глазами, когда я ей рассказывала интересные легенды, мифы, городские сплетни, когда угощала мороженым несколько раз в день (это я могла себе позволить, ибо я считалась ребёнком из богатейшей семьи).

Но всё же я не считала её лучшей подругой. То, что она моя одноклассница – это естественно, может, она и приятельница, и товарищ, и близкая знакомая..., но не подруга. У каждого своё представление о дружбе, но я считаю, что трёх месяцев недостаточно, чтобы стать другом.

К тому же, мы были совершенно разными по характеру, увлекались разными предметами, вкусы не всегда совпадали. Я не понимала многое в ней, хотя она со мной соглашалась и не спорила, но я чувствовала, что мы из разных миров. Я перечислила лишь некоторые качества Люси, которые меня привлекали, а всё остальное мне не нравилось... даже раздражало. Например, странное чувство юмора – она не понимала моих шуток, и я её шутки просто не переваривала, я любила шумные вечеринки и пикники, а она часто таскала меня в скучные лаборатории, галереи, музеи. Мы обе любили читать, но читали совершенно разное: я – любитель художественной литературы, а она – фанатик псевдонаук, как алхимия, уфология, парапсихология и ещё какие-то, что язык сломаешь. Так мы и не могли пообсуждать прочитанное.

Семейная обстановка у нас тоже была разная. Мои родители – врачи-хирурги, вот уже десятый год заведуют собственной частной клиникой. Я горжусь, что являюсь дочкой авторитетных людей. Каждый знал моих родителей во всей республике.

Родители Люси – уроженцы дальнего села Поп (помню, когда в первый день классный руководитель попросил Люсю рассказать о своём селе, то она сказала: «Я из Попа»; и весь класс разразился хохотом, потому что название прозвучало странно, да и мы впервые о таком селе слышали). Отец Люси приехал в город на заработки. У себя в селе он работал трактористом, а сейчас работает в каком-то заводе. А мама в Попе оказывается не работала, но здесь работает воспитателем в детском саду. Жили они не бедно, но и не богато.

Мои подруги всегда говорили, что Люсида не из моего круга и надо держать её от себя подальше. Но было неловко перед наивной Люсей и строгой Кундуз Ибрагимовной, которая доверила мне поручение.

Но стоит признать, что всё же одно и, может быть, самое главное сходство связывало наши семьи: и я, и Люся были единственными детьми родителей. И поэтому всегда любимыми и любящими, в меру капризными и балованными.

Такова и вся история нашего знакомства с Люси' (мы иногда называли её на французский манер).

Кстати, я спрашивала у Люси про значение её необычного имени, на что она ответила: «Даже не знаю. Мама хотела назвать меня в честь своей прабабушки-татарки Люсианой, а папа хотел назвать Зубайдой. Чтобы никто не обиделся, родители объединили начало и конец двух имён и получилось новое имя. Так что точного значения имени просто не существует. А мама мне говорит, что я стала ценным подарком судьбы, и имя моё это и обозначает»...

Как видите, не только характер, но и имя её было странноватым.

Забывье.

Кундуз Ибрагимовна объявила плохую новость. Я не помню, как на это отреагировали все мои одноклассники, но у меня закружилась голова, зазвенела в ушах, как будто я впала в забывье.

«Хотите, через неделю мы навестим семью Куличей? Родителям трудно пережить такое. Ведь Люся – единственный ребёнок в семье, - предложила классная дама. – Мы можем пойти к ним в следующую пятницу. Ну что согласны?» - спросила она у класса.

Все закивали головами в знак согласия. Я тоже была согласна.

Все остальное я не помню: темы уроков, кто отвечал и что отвечал, какие вопросы задавали, беседы с подругами, как я вообще добралась до дома. Туман рассеялся только тогда, когда я пришла домой, зашла в свою комнату и разрыдалась (дома никого не было). Я кричала, то стонала от какой-то внутренней боли, слёзы текли водопадом. Я сама испугалась своего рёва: никогда не думала, что буду так страдать от утраты товарища по парте.

Почему? Когда? Каким образом? – я без конца спрашивала себя. Я в уме рисовала облик Люси, но не могла представить её отчётливо, как будто мы долго не встречались. А когда мы встретились в последний раз? К своему удивлению, я слишком долго думала. Но меня осенило, и как будто током ударило. В воскресенье... вечером... она пришла ко мне... попросила прощения за что-то! А что сделала я?

О, Боже мой! В голове просто не складывалось всё это. Только теперь поняла, как глупо и жестоко поступила с Люсей. ТО необъяснимое чувство гордости и самолюбия, когда я мнила себя королевой Вселенной, было на самом деле животным инстинктом, дьявольским предвкушением жажды крови.

Я представила себе картину: бедная Люся перед сном думает обо мне, сожалеет о том, что обидела меня, одевается в спешке и бежит ко мне, невзирая на ужасную погоду, приходит и стучится, просит прощения в надежде, что у меня сохранилась хоть малейшая капля человечности. А что она получает вместо ожидания? Недовольную мину, высокомерное пожатие руки, царское «помилование» за преступление и немое «до свидания». Бедная Люся приходит домой, жизнь которой сломана, судьба разрушена, нет смысла больше жить (даже не жить, а существовать)... И кончает свою жизнь самоубийством.

Я охолодела от собственных догадок. Слово «суицид» всегда меня пугало. Но смерть Люси не самоубийство, ведь есть убийца, который вынудил совершить всё это. Кто же это? Я, это же я. Я и есть её убийца! О, Господи! Как всё это случилось?!

Так я пролежала в комнате, обливаясь слезами и холодным потом, до возвращения родителей из работы. Обычно я всегда выбегала к ним навстречу, весело приветствуя, а потом все вместе ужинали, рассказывая всё интересное увиденное и услышанное за целый день. Видимо, родители удивились, что я не выхожу к ним, и прибежали оба в мою комнату. Увидев меня в таком виде (а вид у меня был просто невзрачный!), родители забеспокоились. Они спрашивали меня о здоровье, самочувствии, папа ощупывал пульс, мама проверяла температуру. А я молчаливо сидела и не моргая смотрела в одну точку.

– Да что случилось? – уже гневно закричала мама

Её голос помог мне очнуться:

– Куратор сказал, что Люся умерла вчера, - промямлила я.

Папа вздохнул и вышел из комнаты. Мама без слов обняла меня, поцеловала в лоб и уложила спать. Я долго не могла уснуть, ёрзала в постели. Мне было то жарко, то совсем холодно, то слишком мягко на кровати, а на полу слишком твёрдо. Так и наступило утро.

Кошмар на улице В-в.

Прошло несколько дней после страшного известия. Эти дни прошли так же туманно, как и первый день. Родители хотели меня развеселить и отвлечь от всего: покупали билеты в кино, водили по гостям, предлагали посетить развлекательные центры. Все эти наслаждения были для меня роскошью, потому что родители были постоянно заняты и проводили мы время вместе очень мало. Я бы согласилась на всё, но не на этот раз. Я холодно отказывалась, ссылаясь на домашние задания и грядущие экзамены, либо на плохое самочувствие.

В школе подруги также старались меня развеселить, растормошить. Но это им не удавалось. Я не меняла своего мнения насчёт таких гуляний. Я заметила, что все мои одноклассники ни на каплю не переживают за смерть Люси. Они, как и прежде, смеялись во весь голос, подшучивали, издевались над всеми, веселились и ни на минуту не унимались. Раньше я тоже была из их числа – из числа болтушек-балаболок. Правда, моих подруг «пугало» моё поведение. И поэтому они достали билеты в кино и потащили меня, несмотря на мои отказы и сопротивления. Они купили билеты на премьеру страшилки «Астрал – 4», предыдущие серии которой мне очень нравились.

Я обожала страшилки! По правде говоря, я пугалась всего этого, смотрела с замиранием сердца, иногда даже вскрикивала от неожиданностей в фильме, но такой страх давал мне адреналин. Острсюжетностью таких фильмов я восхищалась, и «отдыхала» во время просмотра. Мама за такое пристрастие к ужасам называла меня мазохисткой.

Подруги мои тоже боялись таких фильмов, но решили сделать мне сюрприз и купили билет на мой любимый horror. Может быть, в другое время я бы обрадовалась и сама бы потащила своих подруг на премьеру, но сейчас мне не хотелось смотреть на всё это. Но поздно. Девчонки затащили меня в зал и посадили прямо в центре. Зрителей было много.

– Ух, как много народа! – сказала Мохи, – Ты даже не представляешь какой ценой нам дались билеты на премьеру! (она сделала особое ударение на слово «премьера»).

– Я же вас не просила, – буркнула я недовольно. – А может я и вовсе не хотела на него идти?

Мои слова заставили подруг разинуть рты и побледнеть. Но их удивление длилось недолго, потому что потушили свет и экран начал освещаться.

Вот это было представление! Под словом «представление» я имела ввиду не фильм, а реакции зрителей. Оказывается, смотреть страшилку дома совершенно другое дело: можешь отключить звук, когда чувствуешь, что вот-вот призрак появится перед экраном, можешь промотать слишком страшные моменты, а уже утром досмотреть (согласитесь, что вечером смотреть хоррор-фильмы намного рискованнее). Это мой первый просмотр страшилки в кинотеатре. Скажу коротко: это очень страшно (на самом деле, так и нужно её смотреть).

Не хочу даже вспоминать свою рефлексия. Скажу только, адреналина я получила на целый год. После просмотра мы вышли на улицу, а там – темнота. Хоррор-фильмы принято ставить вечером, наверное, для большого эффекта. Нам с подругами стало жутковато.

– Может, поедem на такси? – предложила одна из подруг.

Мы посчитали свои деньги. Их оказалось не так-то и много. На такси не хватит – это точно, учитывая, что мы жили в разных концах города. Мы с подругами решили дойти до центральной площади пешком, а после добрая половина нашего состава сядет на автобус до своего дома. Решено – сделано.

Мы шли пешочком по пустующим переулкам, освещённым фонарями. Никто не хотел обсуждать просмотренный фильм не от того, что он не понравился или, наоборот, не произвёл впечатления («Астрал» как раз и был ягодкой страшилок!), а чтобы не усложнять и без того сложные обстоятельства.

Друзья всё-таки нужны человеку! С ними весело, трудное кажется лёгким, неодолимое становится посильным, страшное не кажется страшным. Мы дошли до центральной площади, разговаривая на разные девчачьи темы, с чувством такта стороной обходя темы приведений и всяких нечистых сил. Как плохо, что мы не соседи! Мы всегда жалели, что живём слишком далеко друг от друга, а сегодня мы почувствовали это расстояние намного острее.

Одна за одной стали уходить подруги: кто в маршрутке, кто на автобусе. Остались только я с Мохи.

– Я пойду лучше к бабушке, она живёт тут неподалёку, а ты? – спросила она меня.

– Я, наверное, пешком дойду, – сказала я.

– Не страшно? Может на такси? – спросила она.

– Нет, я быстро дойду. И темноты не боюсь.

– Хорошо, до завтра. Как только доедешь, позвони. И не бойся.

Мы обнялись и поцеловались в знак прощания. Я подождала, пока Мохи перейдёт дорогу. Оттуда она мне помахала, и я ей в ответ.

Когда находишься в приятной компании, то не следишь за временем, пространством. С подругами я даже не обратила внимания на позднее время, а в одиночестве мне, показалось, что всё окружающее потонуло во мраке.

Я шла быстро, очень быстро, почти бежала. Что-то шелестело сзади (то ли листва, то ли цветочки диких кустарников, то ли злые духи преисподней), что-то скрипело (ржавые качели или дверь хижины в лесу), порой даже казалось, что наблюдает за мной очень пристально, и это точно не человек. Что только на ум не приходит после просмотра страшилок. Я боялась оглянуться. До дома эта дорога была самой близкой, но не густонаселённой, почти безжизненной. Мне стало до того страшно от гробовой тишины столицы (звучит странно, не так ли?), что я решила пойти по более дальней, но оживлённой улице В-в.

Я добежала до желанной улицы, не оглядываясь назад. Вот она столица! Теперь это было ясно! Гуляющие люди, лавки с мороженым и фаст-фудом, десятки машин, сотни огней, фонарей. Здесь мне было вовсе не страшно. Но веселье моё длилось недолго. Оживлённая, или другими словами центральная, часть улицы уже на исходе. Оставалось лишь три остановки до дома.

Но мне почему-то нестрашно. Я даже позабыла о фильме, о преследовавших меня призраках. Передо мной старые правительственные коттеджи, которые практически не освещены. Это потому, что здесь мало кто живёт, ведь эти здания скоро снесут и построят новые современные многоэтажные дома. Коттеджи и впрямь портили вид города, что однозначно предсказывало снос.

Иду я медленно и считаю дома: первый, второй, третий... десятый, двенадцатый. Среди них были освещены всего лишь первые три дома, а все остальные «спали, закрыв огненные глазки-оконцы». Вот и тринадцатый дом. Это, наверное, самый старый, нелюдимый дом среди всех: доски на заборе выдернуты почти все, а оставшиеся искривились, сад в ужасном виде, дом явно тридцатый год без ремонта, все стены в трещинах.

Я остановилась около этого дома. Он почему-то показался мне до боли знакомым. Фонари на улице светили тускло, и поэтому я не могла разглядеть все подробности и вспомнить, чей это дом. Я заметила, что заборчик без замка, осторожно двинула дверцу: ужасный скрип ржавого металла заставил меня отдернуть руку.

Какой кошмар! Я снова в забытьи! Это же дом Люси. Да, да, это он! Вспомнила: я проводила Люсю однажды до дома. Но тогда мы пришли совсем другой дорогой, дело было днём, и дом тогда не показался мне таким ужасным.

Я смотрела разинув рот на двухэтажный коттедж, который не подавал никаких признаков жизни. Но вдруг за стеклом левого окна второго этажа появился белый кот. Я протёрла глаза – не мерещится ли мне? Нет, белый кот отчётливо выделялся среди темноты, даже как будто светился. У меня никогда не было проблем со зрением, но всё же я стояла довольно близко к дому. Кот медленно двигал хвостом, смотрел по сторонам. Вдруг его пушистая мордочка обратилась в мою сторону. Кот смотрел на меня. «Смотрел» – это мягко сказано, он сверлил меня глазами. Обнажив белые зубки и открыв маленький кровавый рот, кот мяукнул на меня, что кошачье «мяу!» напомнило мне человеческое «Вон!».

Дом, милый дом.

Я убежала. Быстро пробежала две остановки, и вот я уже дома. Бледная, потная, испуганная я стояла у двери родного дома и не решалась пока заходить. Я могла напугать домашних. Я отдышалась. В уме у меня вертелось только одно: «Я не сумасшедшая! Я всё видела! Я всё слышала!».

Наконец постучалась. Дверь открыла мама.

– Ты что так поздно? – зевая, спросила мама.

– С подругами ходили в кино, - ответила я довольно трезво, как будто ничего не произошло.

Мама не стала меня ругать за позднее возвращение, наверное, она даже обрадовалась, что я снова в своём кругу.

– Ты голодная? – вечный вопрос моей мамы.

– Нет, спасибо. С подругами поела. А где папа? Спит, наверное? – спросила я.

– Он уехал два часа назад. Не помнишь что ли, у него двухнедельный карьерный отпуск. Он ждал твоего возвращения, хотел попрощаться. Но самолёт ведь не удержишь, деточка.

Тут я ударила себя по лбу: как я могла забыть? Даже не попрощалась. За день я успеваю соскучиться по родителям, наверное, от того, что нечасто их вижу. Наша семья маленькая, и поэтому отсутствие одного человека слишком заметно.

Я утешила себя тем, что буду спать с мамой. Это так приятно! Я снова чувствую себя ребёнком! Я ложусь с мамой только в тех случаях, когда папа уезжает на несколько дней в другой город по делам, или на отпуск. Обнимаю маму, прошу рассказать интересные истории из детства, спеть песенку или рассказать анекдот.

Но сегодня мы молчим. Мама устала, а я анализирую сегодняшний день. Ах, как чутко материнское сердце. Мама спросила меня шёпотом:

– О чём или о ком думаешь? – мама любила так шутить.

– Ни о чём и уж точно ни о ком не думаю, - невольно улыбаюсь ей в ответ.

– А почему вздыхаешь?

Минутная пауза.

– Я не настаиваю тебя разливать душу. Просто пойми, что порой лучше высказать всё. У тебя переходный возраст, воображаешь, что взрослая и можешь решать свои проблемы самостоятельно, что-то скрываешь от родителей...

– О, мам, нет, нет, что за слова, - стараюсь перебить маму, но она продолжает:

– Лучший друг в жизни – это мама. Рассказывай, доверяй, раскрывайся только ей. Мама желает ребёнку только добра.

– Знаю, мама, знаю...

– Ничего ты не знаешь. Поэтому и молчишь, - сказала мама.

Но как я могла рассказать маме всё увиденное, пережитое, хотя бы за этот день. Это странно, глупо. Никто, абсолютно никто не поверит. Если такое сказать даже психологу, он скорее отправит вас к психиатру, чем будет разбираться в мифах. Но мне реально сейчас нужен собеседник, искренний человек. Тогда я обратилась к маме:

– Мамочка, дай просто совет. Что нужно делать, когда проблемы окружают тебя со всех сторон, и ты не находишь способов разрешить их.

– Отпусти... просто отпусти всё. Не думай ни о чём. Проблемы не существуют в пространстве, они живут у тебя в сознании. Пока ты будешь считать всякую чепуху проблемой, она и станет проблемой. Помолись Богу. Успокойся... и отпусти.

Я долго думала о её словах. Мало чего я поняла, но впоследствии эти слова стали золотым правилом моей жизни, но об этом потом.

– Спасибо, мама, - прошептала я прямо в ухо матери и ещё крепче прижалась к ней.

– Касса – по коридору налево, там за консультацию оплатите назначенную сумму, - сонно прошептала она в ответ.

Я хихикнула под одеялом. Мне всегда нравились шуточки родителей. Пусть они банальные, но родные и всегда смешные.

– Спокойной ночи, мамуля!

– Спокойной ночи, деточка!

За последнюю неделю в первый раз я спала спокойно.

Плохая идея.

Утро, к моему счастью, было просто превосходным. Мы с мамой сделали зарядку под музыку, потанцевали (такое мы редко делаем). Приготовили вкусный, а самое главное диетический завтрак: салат из зелени с помидорами, творог, сметана, чёрный хлеб, чай с лимоном.

– Конечно, плохо, что твой папа уехал, но с одной стороны и хорошо, - сказала мама.

– Почему?

– Потому что можно соблюдать диету. А то от мужского меню страдает бедный желудок.

Мама права. Мой папа очень любит сытную, жареную, мучную еду. Будь то завтрак, обед, ужин даже перекусы калорийностью не отличались. Он считает, что человек не должен отрицать желания желудка, ибо это может привести к понижению иммунитета, малокровию, нехватки витаминов и йода да ещё много к чему может привести. А нам с мамой хотелось сохранить идеальную фигуру, а нам это не удавалось. Сами представьте, перед вами сидит человек и лакомится турецкими сомсами, запечённой уточкой, зафаршированной всякими вкусностями, котлетками с лучком и пюре со сливочным маслом, на десерт – кусочек кремового торта с клубничкой; а вы «лакомитесь» ломтем чёрного хлеба, кефиром и тарелочкой сырых овощей. Не напомнило вам игру «Сила воли»?

После завтрака мама подбросила меня до школы на своей чёрной ласточке, а сама уехала на работу. Оставалось пять минут до звонка, а ученики всё ещё стояли во дворе и не собирались даже торопиться. Мои подруги тоже собрались у входа. Это у нас традиция такая: будем ждать все девчонок своего круга, а потом все вместе – в класс. Сейчас они ждали меня.

Не буду описывать приветствие подруг, и так всем ясно: раскрытые объятия, поцелуи, тёплые слова, впрочем, всё, что необходимо при встрече солдата с матерью после войны.

Мы немного поговорили о том, как вчера все доехали до дома, буквально три-четыре слова о фильме, и прозвенел звонок. Мы зашли в кабинет: учителя не было, а ученики шумели. Типичная картина. Мы сели все вместе близко за три парты попарно в среднем ряду, чтобы поболтать.

– Ну что, идёшь сегодня? – спросила меня Мохи, которая села рядом. Её вопрос относился только ко мне, потому что все мои подруги смотрели на меня вопросительно и ждали ответа.

– Куда? Куда я должна пойти?

– К Куличам. Что, забыла? Сегодня же пятница!

Обычно я внимательная, всегда всё помню, даже сама напоминаю кое-что близким, но в последнее время я будто склерозом страдаю. Теперь я вспомнила, что Кундуз Ибрагимовна забирает учеников к Куличам для выражения соболезнования. Тогда почему-то я согласилась, но сейчас идея стройняшки мне не нравилась.

– А вы что? Пойдёте? – спросила я у подруг.

– Нееееет! – хором ответили девочки.

– Что вы девушки? Кундуз Ибрагимовна поведёт всех нас, - объяснила я.

– Ничего подобного! Она сказала: «Если хотите...», - подражая стройняшке сказала Мохи.

– А мы не хотим. Если помнишь, мы даже не откликнулись на её предложение, когда кое-кто кивал головой как заводная игрушка, - сказала она, тонко намекая на меня, что вызвало смех у подруг.

А мне было не до смеха. Как глупо! Зачем нам, восьмиклассникам, идти в дом, где умерла девчонка наших лет, выражать соболезнование родителям, заставляя их плакать и огорчаться снова. Детское ли это дело?! Честно говоря, я бы обиделась, если меня называли ребёнком, но сейчас мне не хотелось взрослеть.

Навещать родителей усопшего – прекрасная затея для нас. Только этого не хватало. 9 Мая мы навещали ветеранов труда, 1 октября навещали старых учителей нашей школы, которых мы вообще не знаем, посещали приюты домашних животных для подкорма, каждый апрель ходили в заповедник кормить оленят, а теперь «пик нашего удовольствия» – выражение соболезнования родителям усопшего. Нет предела фантазиям нашей классной дамы! На всех мероприятиях, организованных ею, я участвовала активно, охотно и ответственно выполняла каждое поручение. А теперь я возненавидела и учительницу, и все её благотворительные мероприятия под девизом: «Мы будем в раю!» (такое шуточное название придумали ученики с параллельных классов, которые не участвовали в подобных благодеяниях), и даже себя